

Николай Олин

A colorful illustration featuring three characters. On the left is a large green grasshopper with large eyes and antennae. In the center is a young girl with dark hair in pigtails, wearing a blue dress over a red shirt and red shoes. On the right is a large brown ant with a segmented body and antennae. The background is a plain light gray.

ВАРЬКА И ЗВЕРОПУХ

ВАРЬКИНЫ
СКАЗКИ

Николай Олин

**Варька и зверопух.
Варькины сказки**

«Издательские решения»

Олин Н. П.

Варька и зверопух. Варькины сказки / Н. П. Олин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853552-9

Волшебная история про отважную и добрую девочку, которая всегда готова прийти на помощь, не боится опасностей и очень любит свою маму.

ISBN 978-5-44-853552-9

© Олин Н. П.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая, в которой Варька знакомится с Цокотухой, узнает кто такой Плюх, а в конце открывает таинственную дверцу	6
Глава вторая, в которой букашки поют походную песню, кузнечик совершает гигантский прыжок, а жук ищет чего бы стащить	12
Глава третья, в которой появляется «Морская принцесса», улитка ужинает земляникой, а Варьке дарят Пустяковину	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Варька и зверопух

Варькины сказки

Николай Павлович Олин

Иллюстратор Александр Леонов

© Николай Павлович Олин, 2017

© Александр Леонов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-3552-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Волшебная история про отважную и добрую девочку, которая всегда готова прийти на помощь, не боится опасностей и очень любит свою маму

Глава первая, в которой Варька знакомится с Цокотухой, узнает кто такой Плюх, а в конце открывает таинственную дверцу

Прошу любить и жаловать – это Варька! Хотя, что значить – жаловать? Это как будто от слова «жаловаться», а жаловаться на Варьку никому не надо, потому что обязательно найдется за что. То она решит построить дом и пустит на чертежи школьный альбом своего старшего брата, то сделает из маминого вечернего платья наряд для куклы Лизы, а то решит порадовать папу и разрисует фломастерами экран его компьютера.

В общем, найдется много разных причин. Но не потому, что Варька проказница. Просто она хочет знать, КАК ОНО РАБОТАЕТ. Так сильно хочет, что у нее прямо руки чешутся. Вот она и чешет их обо все, что под них попадет. То об альбом брата, то о мамино платье, то о папин компьютер.

А еще у Варьки есть секрет. И не просто там какой-то маленький детский секретик, когда берут мятую фольгу от шоколадной конфеты, прикрывают сверху осколком бутылочного стекла и засыпают песком, чтобы никто, кроме тебя самого, не смог его найти. Нет, это самый настоящий БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ. А БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ, это такая штука, которому даже «провалиться мне на этом месте» в подметки не годится.

Так вот, про БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ никому не рассказывают. И Варька тоже никому про свой не рассказывала. Ну, разве что только маме чуть-чуть, да папе самую капельку, да еще брату граммалку. Так что Варька и знать не знает, почему кто-то вдруг взял да и написал про ее БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ книгу.

БОЛЬШОЙ Варькин СЕКРЕТ заключается в том, что она умеет становиться маленькой. Самым волшебным образом. Вж-жик – и она размером с кошку Аську, и может запросто кататься на ней, как на пони (впрочем, чтобы кататься на кошке, как на пони, Варьке совсем не нужно было становиться маленькой – она и без волшебства ни раз это проделывала, к большому кошкиному неудовольствию). А может еще раз вж-ж-жик – и ростом с блоху, вот только прыгать как блоха она не может, потому как устроена совсем по другому, да и башмаки

мешают. А несколько раз (скажу совсем уж по секрету) Варька становилась такой же маленькой, как самый маленький микроб, и даже гуляла с другими микробами по шоколадной дольке пока у нее зубы не разболелись.

А хотите узнать, как у нее этот БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ появился? Так и быть, расскажу, только Варьке об этом ни слова, договорились?

Так вот, однажды в незапамятные времена (незапамятные – потому что Варька и сама запомнила когда это случилось, но скорее всего на прошлой неделе, как раз после дождя) Варька собралась ложиться спать. Она так и сказала маме с папой: «Я спать», и сразу же отправилась в свою комнату. Она разделась, аккуратно повесила платье на спинку стула, сама надела ночную рубашку и забралась под одеяло. Но как назло именно в этот момент весь сон у нее куда-то улетучился. Сначала Варька пыталась уснуть, крепко зажмуривая глаза. Она думала, что чем крепче будет их зажмуривать, тем быстрее сон поймет, что его ждут и придет к ней. Но толи сон ни так ее понял, толи ему вообще пока было не до Варьки – как бы то ни было, Варька так и не заснула. И тогда она открыла глаза и решила попытаться уснуть с открытыми глазами. Эта идея ее даже обрадовала. «Вот было бы здорово! – подумала она. – Я буду первый человек, который спит с открытыми глазами!»

И Варька принялась старательно таращить свои ореховые глаза куда-то в направлении потолка. И она сразу же увидела Цокотуху.

Та сидела на потолке прямо над Варькой, потирала свои мохнатые лапки и тоже тарасилась на Варьку огромными изумрудными глазами.

– Привет, – сказала Цокотуха, когда поняла, что Варька ее заметила. – Что – не спится? Голос у нее был какой-то скрипучий.

– Не-а, – сказала Варька. – Что-то перехотелось.

– Ну-да, ну-да, – понимающе проскрипела Цокотуха. – И чем ты теперь собираешься заниматься?

– Не знаю, – честно призналась Варька, потому что действительно не знала этого.

– Ну, тогда забирайся ко мне. Полетаем вместе.

– Ты что, я же не умею!

– Хорошо, хорошо, – скрипуче проворчала Цокотуха, – я сама к тебе спущусь...

Она с тихим чмоком отлепилась от потолка и спустилась к Варьке на одеяло.

– Прыгай ко мне на спину, я тебя покатаю. Только обещай не визжать и не хватать меня за щеки. И не забудь надеть тапочки – дети не должны путешествовать босиком!

Варька быстро обулась и посмотрела на Цокотуху.

– Но как же я на тебя сяду? Ты же маленькая.

– Ты тоже маленькая.

– Я не маленькая... – начала было Варька, и вдруг увидела, как одеяло на ней стремительно разрослось вверх и в стороны, а подушка в мгновение ока превратилась в бескрайнее поле с нарисованными на нем желтыми цветами. А сама Варька теперь сидела посреди этого поля и ошарашено смотрела на сидящую на самой вершине одеяльной горы Цокотуху.

– Как ты там?! – крикнула ей Цокотуха сверху.

– Страшновато как-то, – ответила ей Варька, озираясь.

– Ничего, ничего, привыкнешь...

Цокотуха соскользнула с вершины одеяльной горы и уже через секунду сидела на подушечном поле рядом с Варькой.

– Прыгай на спину, – сказала она ворчливо. И напомнила: – Не визжать и за щеки не хватать. И шенкелей не давай!

– Каких шенкелей?

– Никаких не давай, – сказала Цокотуха.

Пообещав Цокотухе не визжать, не хватать за щеки и не давать таинственных шенкелей, Варька вскарабкалась ей на лохматую спину и вцепилась в густой мех на шее (точнее, в том месте, где голова присоединялась к туловищу).

Цокотуха расправила крылья, мягко оттолкнулась лапами от подушечного поля и взвилась под потолок. Варьку так и вдавило в мягкую цокотухину спину, воздух ударил ей в лицо, и она вдруг увидела свою огромную кровать далеко внизу. Чувство небывалого восторга охватило Варьку, и она громко, во весь голос продекламирровала стихи, которые сама тут же и сочинила:

*А мы летим, летим, летим
И приземляться не хотим!*

*Хотим летать, летать, летать,
А не кушать, и не спать!*

Она даже взвизгнула от удовольствия. Цокотуха сразу повернула к ней косматую голову, и в ее огромных изумрудных глазах мелькнул мрачный отблеск. Варька прикусила губу.

Сделав пару кругов вокруг люстры, Цокотуха сложила крылья и опустилась на плафон. Варька осторожно сползла с цокотухиной спины на пластиковую поверхность.

– Ты обещала не визжать, – мрачно напомнила Цокотуха.

– Ну, Цокотушка, миленькая, я больше так не буду!

– Вот возьму сейчас и улечу в другой дом, – все еще обижено проскрипела Цокотуха. – А ты останешься жить на люстре до старости.

Варька живо представила себе, как она уже старенькая бабушка с клюкой разводит огород на самом краю плафона, поливает крошечные помидоры и забирает своих лилипутных внуков из детского сада на соседнем плафоне. Ей такая картина совсем не понравилась.

– Цокотушка, я только чуть-чуть не сдержалась, но теперь я уже исправилась! Ни за что не буду больше визжать!

– Знаю я вас, все вы так говорите... – ворчала Цокотуха, но уже было понятно, что она передумала обижаться. – Ладно, полетели дальше, я тебя кое с кем познакомлю.

– С кем? – поинтересовалась Варька, снова вскарабкиваясь на цокотухину спину.

– С Плюхом.

– Плюхом? А кто это?

– Обычный шрапльг. Только фиолетовый.

Цокотуха снова взвилась в воздух, через секунду уже была около окна и, слегка накренившись, проскользнула в приоткрытую форточку. Росшая у самого дома береза проплыла снизу морем зеленой листвы.

– Странно, – сказала Варька Цокотухе в самое ухо. – Я раньше никогда не встречала фиолетовых шрапльгов.

Она как-то постеснялась сказать, что и обычных шрапльгов никогда раньше не видела, да и вообще слышала о них впервые в жизни. Она не хотела, чтобы Цокотуха приняла ее за невежду.

– И правильно, – сказала Цокотуха, – потому что это единственный фиолетовый шрапльг в мире. Да и фиолетовым он стал только вчера. Не повезло бедняге, думаю ему теперь во век не отмыться... Пр-роклитое ведро!

– Какое ведро?

– С краской! Бедняга думал, что там варенье – смородиновое, а может быть даже черничное – полез в него, чтобы полакомиться и свалился прямо в краску. И теперь ему все фиолетово. Совсем.

Между тем Цокотуха сделал большой круг над березовой рощей около школьного стадиона и по спирали устремилась вниз. Листва так и зашуршала вокруг, просеивая сквозь себя лучики зависшего над горизонтом солнца. Цокотуха на мгновение замерла в воздухе и плавно опустилась на толстую березовую ветку, которая теперь была для Варьки размером с электричку. А ствол дерева, к которому ветка крепилась неподалеку, уходил далеко вниз, как черно-белый лиственный небоскреб.

Соскочив с Цокотухиной спины, Варька сразу пробежалась по ароматной бересте, на бегу оторвав кусочек для себя (кусочек получилось больше Варькиного банного полотенца).

– Я бы на твоём месте тут не особо носилась, – посоветовала Цокотуха. – А то будет, как с Вовкой...

Варька сразу остановилась и, вытянув шею, покосилась вниз.

– А что стало с Вовкой? – осторожно поинтересовалась она.

– Никто не знает, – вздохнула Цокотуха. – Говорят, он стал царем муравейника и теперь ведет торговые войны с соседями. Хотя, одно время ходили слухи, что он попал к пчелам, заведует у них медовым складом и никогда не выходит из улья, потому что не может протиснуться в двери... Но я почему думаю, что его просто съели. Думаю, это сделал зверопух.

Варька на всякий случай отошла подальше от края ветки, чтобы не соскользнуть вниз. Становиться заведующей медовым складом, или даже царицей муравейника ей не хотелось. И тем более не хотелось, чтобы ее кто-то там съел (пусть даже этот кто-то будет очень милым и пушистым).

– Пошли, – сказала Цокотуха и засемила впереди, для равновесия покачивая крыльями. – И да, кстати – надень бусики. Без бусиков туда не пускают.

У Варьки появилось одновременно два вопроса: какие бусики и куда без них не пускают, но пока она думала, какой из вопросов задать первым, Цокотуха остановилась и покачала головой.

– Совсем забыла – у тебя же нет бусиков. Вечно у вас ничего нет!

Продолжая ворчать, она достала откуда-то из-под крыльев двое бусиков, одни сразу напялила себе на шею, а вторые протянула Варьке. Это оказались маленькие клубничные зернышки, надетые на тонкую паутину.

– Только смотри не съешь их, – строго сказала Цокотуха. – А то Вовка свои слопал, и вон оно как получилось. Зверопух – он шуток не понимает. А Вовка пытался его рассмешить...

Вечно он кого-то смешил! – Цокотуха хихикнула, видимо вспомнив какую-то особо удачную Вовкину шутку. – Забавный был такой пацанчик!

Варька поторопилась нацепить бусики себе на шею, и они пошил дальше, пока не оказались у самого березового ствола. В нем прямо над веткой, на высоте нескольких нынешних Варькиных ростов (наверное, с мизинец, ну самое большое – с указательный палец) находилось небольшое круглое дупло, к которому вела кривобокая лесенка из тонких сучьев. Цокотуха одним прыжком преодолела лестницу, остановилась на пороге дупла и, обернувшись, поманила Варьку рукой. Варька поднялась вверх по прогибающимся ступенькам и остановилась рядом с Цокотухой.

В дупле находилась большая комната с очень высоким, притаившимся в тени полотком. На деревянных долбленых стенах висели фонари, в которых Варька с удивлением узнала дремлющих на маленьких шестках светлячков. В кресле-качалке у дальней стены сидел унылый клоп-солдатик, подпирая лапой треугольный подбородок, и был он с ног до головы вымазан фиолетовой краской.

– Здравствуйте, – сказала Варька несмело. И на всякий случай кивнула головой. Просто она не знала, как следует вести себя, когда знакомишься с клопами.

Но клоп не обратил на нее никакого внимания, так и продолжал медленно покачиваться, неподвижно глядя перед собой. Варька подумала, что он ее не услышал и уже хотела было повторить свое приветствие, но Цокотуха толкнула ее локтем в бок.

– Бесплезно, – скрипнула она. – Ему все фиолетово. Страдает, бедняга...

Спрыгнув с высокого порога в комнату, она подошла к клопу и довольно сильно потрясла его за плечо.

– Эй, Плюх! Плюх! – Цокотуха встряхнула его уже изо всех сил – у бедного клопа даже голова мотнулась из стороны в сторону. – Нет, ни на что не реагирует, совсем все фиолетово...

– Так это и есть Плюх? – сказала Варька. – А ты говорила, что он шраплыг.

– Ну да, клоп обыкновенный, некоторые называют его солдатик, он же шраплыг. Считается красным клопом, но теперь он фиолетовый. Потому и молчит, как рыба. А какие он раньше песни пел, ты бы только знала! – Цокотуха сложила на груди передние лапы и мечтательно

закатила глаза. – О-о, какие красотки вокруг него так и вились, так и вились! А он знай себе на гитаре люлякает – трень-брень, трень-брень, да серенады распевает для своей Марфы... Это клопиха с соседней березы, – пояснила она. – Уж как он ее обожал, какие стихи ей писал!

*Мурлыкает мурлыкий мур,
Курлыкает крылатый кур,
Звереет зверский зверопух,
Хороший хор у наших мух!*

– запела Цокотуха, вальсируя по комнате вокруг кресла-качалки.

«Какая странная песня, – подумала Варька, спускаясь в комнату. – „Мурлыкий мур“ – это наверняка кошка, может быть даже наша Аська. А „крылатый кур“? Скорее всего это курица, несущка какая-нибудь. Но тогда почему она „курлыкает“? Ведь курлыкают голуби, а куры кудахчут. Ну, в крайнем случае квохчут. Очень странная курица. Но совсем не страшная. А вот зверопух – это уже пострашнее будет! Говорят, он и Вовку слопал! Лучше с таким не встречаться...»

Закончив вальсировать, Цокотуха брякнулась на пухлый диван у стены и громко перевела дух.

– А вообще, это очень печальная история, – сказала она с грустью в голосе. – Он уже собирался сватов засылать к своей Марфе, дело пахивало свадьбой, и надо же такому случиться, что именно сейчас ему попала эта проклятая краска! Теперь свадьбе не бывать – Марфа ни за что не выйдет за фиолетового шрапльга. У них это строго... Ну, ты тут погуляй пока, – сказала она Варьке, – осмотрись, привыкни, а я попробую привести в себя этого меланхолика...

Шрапльг по-прежнему ни на что не обращал внимания, только иногда печально утирал скопившиеся слезы, и Варька решила прогуляться. А поскольку в самой комнате гулять было негде, она заинтересовалась маленькой дверцей, притаившейся в тени за покосившимся плательным шкафом. Тем более, ей показалось, что из-за этой дверцы доносится какой-то приглушенный шум.

Подойдя к дверце, Варька приложила к ней ухо. Ну, так и есть – шум. Как будто кто-то пересыпает из стакана в стакан сушеный горох. То в один стакан, то в другой, и снова, и обратно...

Любопытство по своему обыкновению охватило Варьку в одну секунду, и она слегка приоткрыла дверцу. В щель ударил яркий свет, Варька даже одернула голову. Впрочем, сразу же сунула свой нос обратно.

Глава вторая, в которой букашки поют походную песню, кузнечик совершает гигантский прыжок, а жук ищет чего бы стащить

«Ого!» – подумала Варька.

За дверцей находилось большое круглое помещение, во много раз больше комнаты, в которой грустил шраплыг. Стены помещения были густо увешаны фонарями, в которых сонно копошились светлячки и заливали все помещение ровным белым светом. Вероятно, в стволе березы кто-то выдолбил всю сердцевину, потому что прямо посреди комнаты находился темный туннель, идущий откуда-то с неведомого верха куда-то в неведомый низ. Туннель был огорожен по кругу не очень прочными на вид перильцами, местами совсем уж покосившимися. С темного верха волнистой нитью спускалась металлическая цепь, на которой на уровне пола висела квадратная будка, тоже огороженная кособокими перильцами. В будке копошились какие-то букашки, что-то пискляво друг другу кричали, висели на цепи и раскачивали будку почем зря. На площадке напротив будки был прикручен к полу гигантский ворот, какие бывают на деревенских колодцах. Второй край цепи наматывался на этот ворот, что позволяло двигать будку вверх-вниз, наподобие лифта. Вокруг ворота суетилось еще с десяток таких же букашек и козявок разных мастей, и все они что-то бубнили, кричали, вопили и, вообще – вели себя очень шумно и бестолково. То и дело кто-то вдруг начинал крутить ворот, будка начинала двигаться, раскачиваться, сидящие в ней букашки начинали еще громче голосить, носиться туда-сюда, отчего будка раскачивалась еще сильнее. И тогда все начинали кричать на крутившуюся ворот букашку, пару раз дело даже заканчивалось подзатыльниками и оплеухами. Затем кто-нибудь хватался за ворот и начинал вращать его в обратную сторону, что опять приводило к тому, что будка начинала двигаться, раскачиваться, а букашки и козявки начинали верещать с новой силой.

От всей этой какофонии у Варьки даже голова закружилась. Тем не менее, она переступила через порог и плотно закрыла за собой дверцу.

– Здравствуйте, – сказала она.

Сразу же стало тихо. Десятки глаз одновременно посмотрели в ее сторону, все замерли, даже дышать перестали. Впрочем, это замершее состояние длилось всего пару мгновений, потом букашки вновь задвигались, забормотали, забубнили и все это снова напомнило Варьке звук пересыпаемого из стакана в стакан сушеного гороха.

Несколько лохматых козявок подскочили к Варьке и схватили ее за руки, потянули за собой.

– Пошли с нами! Пошли с нами! – бормотали они. – Будешь крутить ворот!

– Стой! – вдруг пискляво закричала одна козявка, похожая на пучеглазую блоху. – А вдруг ей нельзя с нами? Посмотрите какая она странная!

«Сама ты странная», – хотела ответить Варька, но тут другая козявка (с кудряшками на лбу) словно кошка запрыгнула к ней на плечо и схватилась за бусики.

– Ей можно, ей можно! – крикнула она. – У нее есть бусики!

– У нее есть бусики, у нее есть бусики! – эхом отозвались другие букашки-козявки. – Она будет крутить нам ворот!

Ее потянули за руки и за ноги и буквально подтащили к вороту.

– Крути! Крути! – закричали букашки, сидящие в будке. – Нам срочно нужно спуститься вниз!

– Постойте, – сказала Варька, которой две старательные козявки уже буквально вставили в ладошки вороток. – Вы заставляете меня работать, а мы с вами даже не познакомились...

Пучеглазая козявка сразу же отцепила Варькины пальцы от воротка, пожала ей руку и снова вложила в пальцы вороток.

– Рада знакомству, – сказала козявка. – Теперь можешь крутить.

Но Варьке такое знакомство не понравилось, букашки-козявки явно хотели ее просто использовать в своих целях. Она сняла с себя бусики и спрятала их в кармашек.

– Так не знакомятся, – сказала Варька. – Сначала надо представиться. Меня зовут Варвара, а вас?

– А нас зовут Плюнь, – ответила пучеглазая козявка.

– Что – всех? – удивилась Варька.

– Всех, – подтвердила козявка. – Есть еще Пере-Плюнь и Недо-Плюнь, но они куда-то вышли. Так ты будешь крутить или нет?

Спорить с козявками было невозможно, тем более, что им так хотелось скорее спуститься вниз по туннелю в своей будке. Поэтому Варька вздохнула, поплевала на ладошки и взялась за вороток.

– А зачем вам вниз? – спросила она, сделав пару оборотов ворота (цепь звякнула, и будка сразу же опустилась ниже уровня пола. Букашки, оставшиеся на площадке, стали с разбега прыгать в будку).

– Мы собрались в поход, – гордо заявила пучеглазая козявка. – На соседнюю березу.

– Туда, где живет Марфа, невеста Плюха? – догадалась Варька.

– Откуда ты знаешь?

– Наслышана.

– Мы хотим, чтобы Марфа вернулась к нашему шрапльгу! Тогда он снова станет веселым и будет кормить нас цветочной пылью! Поэтому мы идем в поход!

– В поход! В поход! – закричали букашки-козявки.

*Идем сегодня мы в поход,
Возьмем с собой лопату,
Консервы, соль, морковь, палатку,
Еще чего-нибудь!
Все это очень пригодится,
Чтобы костер зажечь,
Потом повеселиться.
Скакать и прыгать как индейцы,
Гогокать, гыкать и мычать —
Негоже нам с тобой молчать!
Сосиски мы еще поджарим
И песенку споем!
Пойдем, ура! Идем! Идем!*

Видя, что будка постепенно опускается в темную глубину туннеля под веселую песню заполнивших ее букашек, пучеглазая козявка подбежала к краю площадки, помахала Варьке рукой и бесстрашно прыгнула в будку, прямо на головы столпившихся там букашек. На нее зашикали, закричали, быстро стащили вниз и через секунду она затерялась в толпе.

Варька продолжала крутить ручку, цепь со звоном сматывалась с ворота, и постепенно будка с букашками полностью исчезла во тьме туннеля. А через несколько оборотов ворота перестали доноситься снизу и их голоса. Варька продолжала крутить ворот, пока не провисла цепь – будка достигла дна. Варька мысленно представила, как букашки выскакивают из будки – первая, вторая, третья, четвертая, но потом она сбилась со счета и решила просто немного подождать, тем более, что руки у нее порядком устали. Передохнув и переведя дух, она при-

нялась крутить ручку в обратную сторону, цепь снова натянулась, напряглась и стала укладываться на ворот аккуратными слоями.

«Мне тоже надо попасть на соседнюю березу, – думала Варька, от напряжения даже высунув кончик языка. – Букашки такие глупые, они ни за что не смогут объяснить Марфе, что случилось с Плюхом. А я расскажу ей все по порядку, и уговорю вернуться к нему, хоть он и фиолетовый...»

– Что ты тут делаешь? – вдруг услышала Варька у самого своего уха, и даже вздрогнула от неожиданности, чуть вороток не выпустила из рук, но вовремя спохватилась и вцепилась в него еще крепче.

– Да, что ты тут делаешь? – пропищало у нее под другим ухом. – И куда делся Плюнь?

– Я опустила их вниз, – ответила Варька.

– Всех?

– Всех.

Рядом с ней стояли два странных создания. Одни был на голову выше Варьки и походил на кузнечика, если бы кузнечики носили широкие шорты и полосатые рубашки навывпуск. Вторым был наоборот – на голову ниже Варьки и видимо был муравьем. Из коротких штанишек на помочах торчали тоненькие ножки, обутые в пухлые ботинки на шнурках.

Высокий кузнечик подошел к краю туннеля и, придерживаясь за перила, опасливо посмотрел вниз.

– И что ты теперь думаешь делать? – поинтересовался он.

– Мне тоже надо спуститься вниз. Только я пока не знаю как. Вот если бы вы помогли мне, то я могла бы найти Марфу и уговорила бы ее вернуться к Плюху. На козявок надежды мало – они шумные и бестолковые – а Плюх очень страдает.

– Его еще отмыть надо, – резонно заметил муравей. – Думаю, ведро бензина нам в этом поможет. Но где взять бензин?

– У старика Бряка, – немедленно отозвался кузнечик. – У него в амбаре целая бочка. Но он меняет бензин только на фитюльки.

– А где взять фитюльки? – поинтересовалась Варька (она все еще удерживала ручку ворота, но уже не крутила ее, а просто отдыхала).

Кузнечик подошел к ней, тоже взялся за ручку, и они стали вместе ее крутить. Муравей же стал деловито расхаживать перед ними взад-вперед, заложив руки за спину.

– Фитюльки хранятся в Заброшенной Норе около Рыжего Клена, – говорил он лекторским тоном. – Идти туда недалеко, но под Рыжим Кленом обитает зверопух, а встречаться с ним что-то не хочется. Говорят, он как-то связан с пропажей того болтливого мальчишки, а ведь он тоже хотел поживиться фитюльками...

«Странно, для чего Вовке понадобились фитюльки?» – мысленно удивилась Варька.

– Но, с другой стороны, зверопух в последнее время сильно распоясался, – продолжал лекцию муравей. – Пора с ним серьезно поговорить, пока он совсем не обнаглел.

«Куда уж больше», – подумала Варька, а вслух сказала:

– Значит, вы поможете мне спуститься вниз?

Будка наконец-то вынырнула из темноты туннеля, и Варька с кузнечиком остановили ее на уровне площадки.

– Нет, – покачал головой муравей, – это значит, что мы отправимся вниз вместе. Ведь ты не умеешь обращаться со зверопухами? А я умею. Однажды он проиграл мне в шашки целое ведро цветочной пыльцы, и я даже смог убедить его не есть меня немедленно.

Муравей подошел к краю площадки, сильно оттолкнулся и перепрыгнул в будку. Не долго думая, Варька сделала тоже самое. Кузнечик взялся за вороток.

– Держитесь крепче! – сказал он. – Сейчас я вас спущу!

– А как же ты? – спросила Варька.

Муравей похлопал ее по плечу и сказал:

– За него не беспокойся, он очень хорошо прыгает.

– Я очень хорошо прыгаю, – подтвердил кузнечик.

Варька усомнилась, что умение хорошо прыгать как-то может ему пригодиться в данной ситуации, но кузнечик выглядел таким уверенным, что она промолчала. Кузнечик тронул ворот, и будка вздрагивая медленно двинулась вниз.

В будке под потолком висел одинокий фонарь с дремлющим светлячком внутри. Света от него было немного, и пока они находились наверху, Варька его даже не замечала, но когда их окружила тьма туннеля, то он стал единственным источником света здесь, и они с муравьем сразу же подошли к нему поближе. Все-таки как-то спокойнее, когда ты не в полной темноте и не один.

– Кстати, мы до сих пор не познакомились, – вполголоса сказал муравей, боязливо прижимаясь к Варьке.

– А я, кажется, догадалась кто вы, – так же вполголоса отозвалась Варька. – Вы – Пере-Плюнь и Недо-Плюнь?

– Козьявки надоумили? Все правильно, я – Недо-Плюнь, а кузнечик – Пере-Плюнь. Мы давние друзья.

– А меня зовут Варвара. Вообще-то, я обычная девочка, но сегодня я стала маленькой, когда познакомилась с Цокотухой.

– Ты к нам надолго? – уже совсем шепотом спросил Недо-Плюнь.

– Не очень, скоро мама придет поправить мне одеяло, и к этому времени я должна быть в своей постели. Но я постараюсь успеть. Мне надо только встретиться с Марфой, и еще узнать, что на самом деле случилось с Вовкой...

Будка опускалась. Пару раз она останавливалась на минуту-другую – видимо, Пере-Плюнь наверху давал возможность своим рукам отдохнуть, но потом вновь вздрагивала и продолжала свой путь вниз. Варька иногда поглядывала через перила, но внизу ничего не было видно, да и перила подозрительно потрескивали, когда на них опирались. Потом будка ударила дном обо что-то твердое, слегка накренилась и замерла. Провисшая цепь зашуршала по крыше.

– Кажись, приехали, – сказал Недо-Плюнь.

Он отцепил фонарь от потолка, растолкал в нем светлячка, чтобы светил по сильнее и вышел из будки. Варька вышла следом за ним и осмотрелась.

Большая круглая комната, в которой они очутились, находилась, видимо, в самой нижней и самой широкой части березы. Пол под ногами был земляной, кое-где из него торчали корешки и виднелись пятна мха. На стенах, так же как и в комнате наверху, висели фонари, в которых дремотно подрагивали светлячки. В свете фонарей Варька рассмотрела вдалеке широкие ворота со слегка приоткрытой калиткой.

– Ну, где же Пере-Плюнь? – нетерпеливо спросила Варька.

Муравей задрал над головой фонарь и посмотрел вверх.

– Сейчас Пере-Плюнь спрыгнет, – пообещал он. – Он знаешь какой прыгучий... Слышишь? Кажется, это он летит!

Варька тоже прислушалась. И правда – сверху до них доносился все нарастающий крик.

– А-а-а! – истошно кричал кто-то.

Это было мало похоже на победный крик гениального прыгуна, но поделиться своими сомнениями с муравьем Варька не успела. В несколько секунд крик превратился в густой оглушающий бас, в свете фонарей промелькнула размахивающая лапами зеленая молния и с размаха грохнулась о землю. Ш-шмяк!!!

– Все! – победно сказал Недо-Плюнь.

– Убился? – спросила Варька.

– Нет – прыгнул. Он знаешь какой прыгучий!

– Да знаю уже...

Они подошли к лежащему на земле кузнечику. Руки-ноги у него были раскинуты по сторонам, глаза были закрыты, а язык безвольно свисал набок. «Точно – убился», – хотела сказать Варька, как вдруг кузнечик открыл глаза и спрятал язык.

– Ну как я? – спросил он почти бодрым голосом. – Отлично прыгнул?

– Приземление надо еще немного порепетировать, а в остальном все хорошо, – сказал Недо-Плюнь, помогая другу подняться на ноги. – В прошлый раз было гораздо хуже.

– Хуже этого? – недоверчиво спросила Варька. – Могу себе представить!

– Ты просто не видела, как он прыгнул в первый раз. Вот это было зрелище!

Пере-Плюнь отряхнулся и прихрамывая направился к воротам. Недо-Плюнь пошел рядом, держа фонарь над головой. Варька двинулась следом.

Сразу за воротами оказался узкий коридор, а может и не коридор это был вовсе, а просто червячная норка, такой он был извилистый и рыхлый. На дорожке были видны многочисленные отпечатки лапок самых разных существ, и больших и мелких. Ходили здесь, по всей видимости, довольно часто. Закончилась червячная норка неожиданно – круглой дырой, зияющей под вылезшим наружу березовым корнем. Вокруг дырки были набросаны в беспорядке листья и ветки, повсюду росла остроконечная травка и торчали желтые головки одуванчиков. Далеко-далеко (хотя на самом деле это было всего в нескольких десятках шагов от Варькиного дома) виднелись прутья школьной ограда, за которой темнели толстокорые тополя.

– И далеко идти до Рыжего Клена? – спросила Варька.

Она уже не беспокоилась, что может опоздать к маминому приходу – наверное, время в стране букашек шло гораздо медленнее, чем в человеческом мире. Во всяком случае, за все время, которое Варька провела здесь, небо так и не потемнело, оставаясь все тем же бледно-голубым, а солнце так и висело на самом краешке горизонта.

– Не очень, – ответил ей Недо-Плюнь. – За Одуванчиковой Поляной будет Несохнувшая Лужа, и когда мы через нее переправимся, то останется совсем рукой подать. Добраться не сложно.

– Это ерунда, – подтвердил Пере-Плюнь. – А вот забрать у зверопуха фитюльки – это уже сложнее. Но мы попробуем его убедить. Ты, главное, не показывай виду, что боишься его. Зверопухи легко чувствуют чужой страх, и он их жутко злит. Может и сожрать.

– Да я и не боюсь, – как-то не очень уверенно сказала Варька и поежилась. – А зверопухи в котором часу ужинают?

– Они ужинают три раза. Два раза до захода солнца, и один раз после.

«Совсем как мой брат», – подумала Варька.

– И два раза он уже поел, – заметил муравей. – А солнце еще не село.

Варька снова поежилась.

– А чем зверопухи питаются? – спросила она и почему-то вспомнила про Вовку.

– Не поверишь – всем! – сказал Недо-Плюнь. – Однажды я видел, как он грызет ржавый болт, а потом никто не мог этот болт найти. Возникает вопрос: куда он мог подеваться?

Некоторое время они шли молча. Сначала Варька пыталась представить себе зверопуха, который отгрызает от ржавого болта железные кусочки, но каждый раз эта картина заканчивалась горсткой сломанных зубов. Тогда она представила, как зверопух глотает болт целиком, и в этот раз картина закончилась зверопухом, сидящим на ночном горшке в страдальческой позе. В общем, ей с трудом верилось, что можно съесть железный болт, тем более ржавый. Хотя, она знала одного мальчишку, который запихал себе в нос косточку от финика. Так может зверопух этот болт и не съел вовсе, а тоже запихал его себе в нос?

«Однако, – подумала она, – это ж какой надо иметь нос, чтобы запихнуть в него целый болт? Наверное, он просто огромный, этот зверопух, настоящее чудовище...»

Заросли одуванчиков на их пути постепенно стали гуще – они вошли на Одуванчиковую Поляну. Но это не означало, что они с трудом продирались через эти заросли, ведь одуванчики были огромными, как телеграфные столбы, и между ними легко могла бы расположиться вся Варькина детсадовская группа. Да и росли здесь не только одуванчики, полным-полно было самой разной травы. Живности тоже хватало – то и дело мимо пробежала какая-нибудь букашка, усатая, или даже рогатая. Как правило, они даже не замечали Варьку с ее спутниками, а так и продолжали куда-то бежать по своим букашечным делам, бормоча себе под нос что-то невнятное. Какой-то бурый жук ростом с Варьку, но длиной в несколько раз больше, чуть не сбил их с ног – Варька едва успела отпрыгнуть. Жук, правда, оказался воспитанным – он остановился, повернул к ним свою плоскую рогатую голову и сказал задумчиво:

– Ах, извините, извините, проклятая рассеянность. Я не наступил вам на ногу, сударыня? Муравей, впрочем, расшаркиваться совсем не собирался.

– Не наступил, не наступил, – не очень вежливо сказал он, за руку обводя Варьку вокруг жука. – Топай давай!

– Фу! – сказал жук.

– Проваливай!

Жук отвернулся, загребая задними лапами как будто бы случайно забросал муравья комьями земли и быстро растворился в траве.

– Как-то грубо ты с ним, – заметила Варька, отряхиваясь от попавших на нее кусочков земли.

– Это же Украдун, с ним иначе нельзя, – сказал Недо-Плюнь. – Ты думаешь почему он такой вежливый? Внимание отвлекает.

– Ага! – подхватил Пере-Плюнь. – А сам высматривает, чтобы такого стянуть. У меня на той неделе грабельки в огороде – хватать! – и деру. Насилу я его догнал, так еще потом и грабельки еле отнял.

Трава перед ними внезапно раздвинулась и из-за нее высунулась бурая голова жука.

– Потому что это были МОИ грабельки! – сказал Украдун.

Недо-Плюнь бросил в него мелким камушком, и голова сразу же исчезла.

– А у меня целое ведро пыльцы умыкнул из амбара! – крикнул Недо-Плюнь в то место, где только что стоял Украдун.

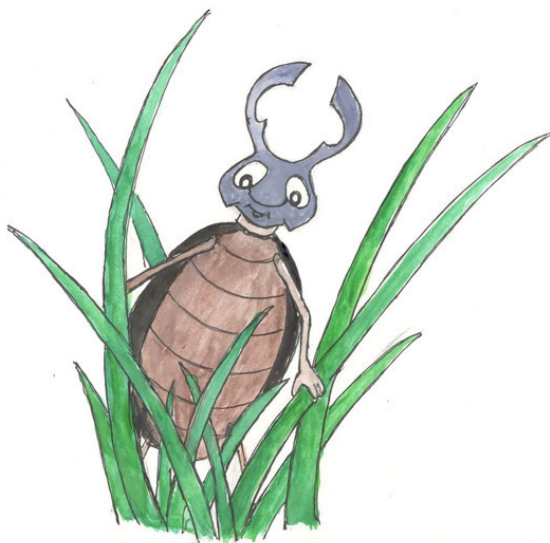
Трава снова раздвинулась, жук своим носом едва не ткнулся Варьке в лицо.

– Пыльцу не брал! – заявил он. – Это сплетни и наговоры! – Он покосился на Варьку. – Злопыхатели просто мне завидуют, сударыня, – пояснил он. – А что это у вас там из кармашка торчит?

Варька на всякий случай ладошкой зажала свой кармашек, в котором лежали бусики, а Недо-Плюнь снова метнул в жука камнем, и тот моментально исчез в траве.

– Не люблю я его... – хмуро сказал муравей.

– Меня никто не любит, – слышалось с той стороны зарослей. – Я бедный и несчастный, всеми обиженный, всеми оплеванный, камнями закиданный, облапошенный, позабытый и позаброшенный...

Причитания становились все тише и тише, и вскоре смолкли совсем – жук ушел. А Варька, кузнечик и муравей пошли своей дорогой через Одуванчиковую Поляну. После встречи с вороватым жуком им не очень хотелось разговаривать, но потом настроение поднялось, и они даже спели походную песню:

*Шрапльг люлякал на стекле:
Скажу вам без опаски,
На свадьбу скоро нужно мне,
А я весь в липкой краске!*

*Ой люли, ой були,
Ой гули-тюли-мули!*

*Бедняга Плюх упал в ведро
И вот фантасмагория:
Не будет свадьбы у него —
Печальная история!*

*Ой люли, ой були,
Ой гули-тюли-мули!*

*Шрапльг печалится во тьме,
Плохое настроение,
Хотел всего лишь он поест
Прекрасного варенья!*

*Ой люли, ой були,
Ой гули-тюли-мули!*

*Варенье из черники,
Клубники, ежевики!
Почамкаем варенье —*

Какое наслаждение!

В этой песенке были еще строчки о том, как Марфа узнал, что ее жених стал фиолетовым и теперь боится показаться на глаза своей невесте, но об этом Недо-Плюнь и Пере-Плюнь пели уже вдвоем, а Варька подпевала только припев, который ей очень понравился:

*Ой люли, ой були,
Ой гули-тюли-мули!*

И когда песенка закончилась, настроение у всех уже было просто замечательное, только вдруг захотелось есть.

– Сейчас бы вареньица... – мечтательно сказал кузнечик. – Лучше всего из клубники.

– Нет – из черники! – немедленно заспорил с ним муравей, которому и самому очень хотелось кушать. – Из черники полезнее!

– Зато из клубники вкуснее! – возразил ему кузнечик. – Знаешь, сколько я могу клубничного варенья съесть? Целое ведро!

– За раз? – усомнилась Варька.

– Ну почему же за раз? – сказал Пере-Плюнь, который уже и сам понял, что слегка перегнул палку. – За неделю.

– Подумаешь – за неделю! – пренебрежительно сказал Недо-Плюнь. – Я бы за день съел.

– Спорим, что за день не съешь?! Полведра может и осилишь, но целое – слабо.

– Это тебе слабо! Я и два ведра могу за день съесть, если без хлеба. А вот если с хлебом, тогда конечно только одно, потому как хлеб – он очень сытный.

– Тю-ю, без хлеба кто угодно за день съест! А вот с хлебом...

Так, весело споря друг с другом, они незаметно вышли на песчаный берег Несохнущей Лужи.

Глава третья, в которой появляется «Морская принцесса», улитка ужинает земляничкой, а Варьке дарят Пустяковину

Варька и раньше ни раз бывала около этой лужи, и даже как-то промочила в ней ноги, за что ей и попало от мамы, но для нее тогда это действительно была просто лужа. А сейчас это было настоящее озеро, или даже море. Широкое-преширокое, оно раскинулось от Одуванчиковой Поляны до Извилистой Тропинки, ведущей от Варькиного дома к Большой Реке. Вдалеке справа оно сужалось, как бутылочное горлышко, вклиниваясь между Тропинкой и каменным валуном, который сейчас казался настоящей горой. А вдалеке слева оно так сильно расширилось, что берегов вообще не было видно.

– И за неделю не обойти, – сказал кузнецик. – Будем переплывать.

– Я бы и за день обошел, – хвастливо сказал муравей. – Но переплыть, конечно, быстрее.

Придется строить лодку.

– Настоящую? – живо заинтересовалась Варька. Она просто обожала что-нибудь строить и ремонтировать.

– Разумеется, настоящую. Только нам нужен план.

– План есть! – сказал кузнецик.

Он поднял с земли заостренный камушек и быстро нарисовал на песке какой-то чертеж.

– Готово. Настоящая бригантина, не правда ли? Корабль! Такой не то что лужу – такой море переплывет!

– Хм... – сказала Варька, которая много раз видела корабли в книжках своего старшего брата, и то, что нарисовал Пере-Плюнь даже отдаленно не напоминало ей лодку, скорее какую-то диковинную рыбину. – Знаете, ребята, я вообще-то не очень хорошо плаваю.

– Что за недоверие! Эта штуковина поплывет, как дельфин!

– А как лодка? – осторожно спросила Варька. – Как лодка она поплывет?

– Как торпеда!

– А как лодка? – настойчиво спросила Варька.

Кузнецик даже немного обиделся.

– Я вижу тут некоторые мне совсем не доверяют... Недо-Плюнь, друг, ты же мне доверяешь?

– Ну-у-у... – не очень уверенно сказал муравей. – Честно говоря, я тоже плаваю плоховато... Нет, конечно переплыть лужу я смогу запросто, хоть на спинке, хоть карасиком, но как раз сегодня у меня что-то левая рука побаливает, а она у меня загребная. Так что сегодня я хотел бы плыть на нормальной лодке. На такой, чтобы мне не пришлось вычерпывать из нее воду своим ботинком, как в прошлый раз.

– Как в прошлый раз не повторится! – заверил его кузнецик. – К тому же водомерки все равно тебя откачали, так что прошлый раз не в счет.

Пока Пере-Плюнь и Недо-Плюнь таким образом спорили, Варька взяла камушек и нарисовала на песке лодку, какой ее изображали в книжках ее старшего брата. Получилось очень даже похоже. Все в ней было на месте – и нос, и корма и даже специальные уключины для весел, чтобы удобнее было грести.

Муравей с кузнециком, увидев чертеж, сразу бросили спорить и воодушевились.

– Сделаем лодку из бересты – ее тут полно вокруг, – загомонили они, – а щели смажем смолой. Соломинками свяжем между собой борта, а уключины можно сделать из коры. На весла пойдут куски веточек.

– Тю-ю, тут делов-то на полчаса! – подвел итог Пере-Плюнь.

– За полчаса я и один управлюсь, – немедленно заявил муравей. – А втроем мы и за десять минут все сделаем...

В десять минут они, конечно, не уложились – в два раза дольше они только искали по окрестностям необходимые для строительства материалы. Варька отыскала в одуванчиках большой лоскут бересты, его даже пришлось разорвать на две полосы, чтобы перенести на берег, но зато это были готовые оба лодочных борта. Муравей приволок прошлогодний сухой листок с каплей густой смолы на нем, и этой капли с лихвой должно было хватить на то, чтобы замазать все щели. Соломинки долго искать не пришлось – их тут было много повсюду, да и сухих веточек тоже хватало. Так что вскоре работа у них кипела во всю. Лодочные борта плотно подогнули друг к другу (кое-где их пришлось связать между собой тонкими травинками), стыки промазали смолой, а сверху сделали перемычки из соломинок, которые тоже крепко-накрепко привязали травинками. К перемычками прикрепили уключины из кусочков коры, и вложили в уключины длинные весла из подходящих веточек, пусть немного кривые, но зато очень удобные. Так что когда работа была закончена, на берегу у самой воды стояла самая настоящая лодка.

– Красавица! – сказал муравей, с широкой улыбкой любуясь лодкой. – Обязательно надо придумать ей имя – такое, чтобы дух захватывало.

– Назовем ее «Попрыгуша», – сразу предложил кузнечик.

– Не, от «Попрыгуши» дух не захватывает, – поморщился Недо-Плюнь. – Что это за название для корабля? Такое имя подойдет только для какого-нибудь старого ржавого корыта.

– Не обижай мою бабушку! – насупился Пере-Плюнь.

– А причем тут твоя бабушка? – удивился муравей.

– Мою бабушку звали Попрыгуша.

Муравей растерянно почесал затылок.

– А разве твоя бабушка была *морским* кузнечиком? – спросил он.

Кузнечик ответил, что его бабушка была самой что ни на есть сухопутной попрыгушей.

– Вот видишь, – сказал муравей. – А нам требуется *морское* название. Как вам «Ветер»?

– А что морского в ветре? – недовольно спросил Пере-Плюнь. – Я и на берегу однажды в такой ветер попал, что потом три дня до дома добирался.

– Вот! А если бы это был морской ветер, то ты и за месяц не добрался бы!

– А может назовем лодку «Принцесса»? – втиснулась в их разговор Варька.

На нее посмотрели с недоумением.

– А при чем здесь принцесса? – с вызовом спросил Недо-Плюнь. – И при чем здесь море?

– Ну пусть будет – «Морская принцесса», – настояла Варька. – И получится, что наша лодка красивая, как морская принцесса... А вы – как два принца, – для надежности добавила она.

Кузнечик и муравей сразу же приосанились.

– Ну-у... – сказал Недо-Плюнь. – Собственно, почему бы и нет? В конце концов, проект ведь был твой.

Он протянул ей маленький огрызок веточки и каплю темной смолы на обрывке березового листа.

– Ты придумала – тебе и писать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.